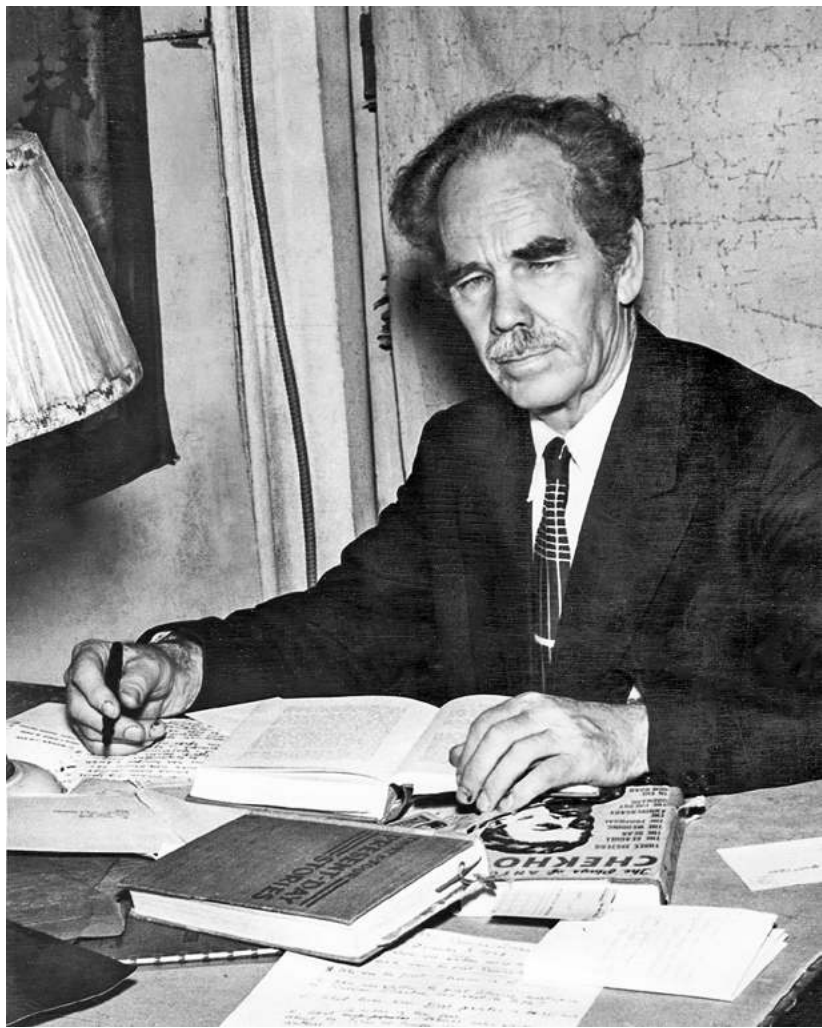

В нынешнем году культурная общественность страны отмечает юбилей уроженца Алтая писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова (1883–1964). Исполняется 140 лет со дня рождения сибирского классика. Большая часть его жизни прошла за границей, в эмиграции. Там он сформировался как романист (вышли «Былина о Микуле Буяновиче» и многотомная эпопея «Чураевы»), как драматург и журналист. Среди его друзей видные деятели Русского зарубежья — изобретатель Игорь Сикорский, поэт Константин Бальмонт, художник Николай Рерих, певец Фёдор Шаляпин, композитор Василий Завадский и многие другие, чьи имена только восстают из небытия отечественной истории. Все они относятся к Зарубежной России, появившейся, как остров, в мировом океане жизни вскоре после Октябрьской революции 1917 года. Царская империя была сокрушена большевиками, но, невзирая на трагические обстоятельства, вдали от Родины сформировался уникальный пласт русской культуры. На страницах журнала «Алтай» читатели уже знакомы с творческим наследием Георгия Гребенщикова. В юбилейный год редакция планирует новые публикации. Речь идет о его эпистолярном наследии.

У известных людей письма всегда интересные и притягательные. Они увлекают не только своими человеческими, бытовыми подробностями, но и дают читателю совсем другое измерение, связанное с масштабом личности, раскрывают глубину мысли автора. Одним из корреспондентов Гребенщикова был его близкий товарищ, композитор Василий Васильевич Завадский (1891–1954). Они познакомились в Германии в 1922 году.

Георгий Гребеницкий за письменным столом. 1950-е

Завадский как раз завершил работу над партитурой симфонической сюиты «Цветы Мории» на стихи Николая Рериха. Это произведение для голоса и оркестра создано под впечатлением от стихов русского художника из одноименного сборника,

изданного в Берлине в 1921 году. Гребенщиков и Завадский встретились в Висбадене, и эта встреча послужила залогом их дружбы с Рерихом, с которым они сблизились в Париже осенью 1923-го. Вскоре, уезжая в путешествие по Азии, художник пригласил их к сотрудничеству в музее его имени в Нью-Йорке. Уже весной следующего года двое друзей отправились из Франции в Новый Свет, перевернув страницу парижской эмигрантской жизни, и навсегда обосновались в Америке.

Письма Гребенщикова композитору Завадскому не столь многочисленны. Соотечественники общались в основном вживую. Небольшой обмен новостями шел в первой половине 1940-х годов, когда Гребенщиконы, Георгий Дмитриевич и его супруга Татьяна Денисовна, перебрались во Флориду. Оба преподавали в Южном колледже в городке Лейкленд. Для публикации в журнале отобрано несколько писем военного (Вторая мировая война) и послевоенного периода, а также два письма, адресованные

ГРЕБЕНЩИКОВ Георгий Дмитриевич (1883–1964) — русский сибирский писатель, издатель, лектор, общественный деятель, профессор Южного колледжа Флориды (США). Участник Первой мировой войны. Эмигрировал в Константинополь (1920), жил во Франции (1921–1924). В Париже познакомился с художником Николаем Рерихом, вместе с ним организовал книгоиздательство «Алатас» и стал его директором. Весной 1924 переехал в Америку, где вместе с женой Татьяной Денисовной вошел в число сотрудников музея Николая Рериха. Через год основал в Саутбюри русское поселение Чураевка (шт. Коннектикут). Возглавил ряд общественных организаций, в том числе Общество сибиряков при музее Рериха. Путешествовал по Америке с циклом лекций. Принимал участие в Вашингтонской конференции (1933) по продвижению идей Пакта Рериха о защите культурных ценностей и памятников во время войн и вооруженных конфликтов. В 1941 переселился в Лейкленд (шт. Флорида), преподавал в Южном колледже русский язык, историю и литературу. Основными трудами писателя в эмиграции являются многотомная эпопея «Чураевы» (1922–1952), роман «Былина о Микуле Буяновиче» (1924), философская публицистика «Гонец» (1928), автобиографическая повесть «Егоркина жизнь» (1966).

семье Завадских в связи с кончиной Василия Васильевича. Наиболее важными являются те, где отражена гражданская позиция писателя по отношению к покинутой Родине. Русская тема вынесена в заглавие. Это нерв борений и исканий, осмысление дальнейшей жизни в эмиграции. Чтобы избежать ошибок, найти истинный путь, требуется познание русской действительности и возвращение к корням. Прорыв в будущее сформулирован кратко одним предложением: «Изучать нужно Россию неустанно, добросовестно, бесстрашно, забывая мелочи и личное, а помня общее и главное» (20.12.1943). Для Гребенщикова наступает время примирения с советским строем и, значит, со своими земляками. Он обращается по радио с Рождественским посланием к русскому народу, одно из произведений «Письмо из-за моря» посвящает родному брату, проживавшему на Алтае.

Личный кризис распространяется и на русскую литературу за рубежом, в ней сибиряк хотел бы видеть прочную нравственную позицию. Однако этические нормы сильно поколеблены, по его глубокому убеждению даже литературные завоевания Серебряного века искажены в зарубежной России под стихийным натиском времени. Война несет не только страдания, кровь, но и разложение. Такие гиганты в литературе, как Иван Бунин, становятся для Гребенщикова объектом критики. Вокруг «эротических» рассказов Бунина им развернута большая дискуссия, затронувшая и Марка Алданова, и Ивана Шмелёва, и Бориса Зайцева. Имеются в виду бунинские рассказы, собранные в книгу «Тёмные аллеи» (1946). По касательной эта проблема затронула и Василия Завадского. В письме Георгия Дмитриевича слышится отголосок мнения композитора о чистоте русской литературы.

Оценка музыкальной деятельности Василия Завадского в исторической перспективе, высказанная Гребенщиковым после ухода композитора из жизни, пожалуй, является пророческой. Произведения русского композитора, раскрывшего свой талант за рубежом, пока неизвестны широко на Родине. Первое исполнение в России музыкального произведения Завадского, симфонической сюиты «Цветы Мории», состоялось в Барнауле в 2017 году, дирижер — Дмитрий Лузин. Это произошло благодаря удивительному стечению обстоятельств и содействию

Василий Завадский у рояля. Вторая пол. 1940-х

ЗАВАДСКИЙ Василий Васильевич (1891–1954) — композитор русского зарубежья, пианист, музыкальный педагог, художник. Окончил Петроградскую консерваторию (1917). Последователь романтического и духовного направления в музыке, считал себя наследником композитора Александра Скрябина. Эмигрировал в Париж (1919), где занимался пианистической деятельностью, гастролеровал в Берлине и Лондоне. Затем перебрался в США (1924), вместе с женой Марией Александровной открыл в Нью-Йорке Академию изящных искусств (1933), воспитал целое поколение американских музыкантов. Основные его произведения: «Праздничный псалом», «Да воскреснет Бог!», сюита «Цветы Мории» (для голоса и оркестра); оркестровое произведение «Легенда о семи часах». Значительное влияние на Завадского оказало творчество художника Николая Рериха. Один из ближайших друзей писателя Георгия Гребенщикова.

губернатора Алтайского края. В стенах местной филармонии звучала музыка вселенских созвучий...

Публикуемые письма Георгия Гребенщикова хранятся в архиве Дома русского зарубежья в Москве (ДРЗ), за исключением одного, датированного 07.01.1944, оно находится в Центре по изучению истории эмиграции в университете Миннеаполиса. Основной массив писем передан из Америки Георгием и Мариной Рубисовыми. Георгий — ученик композитора Завадского. Автор публикации благодарит руководство ДРЗ за бережное отношение к памяти В. В. Завадского. Недавно несколько его произведений были исполнены в Московской консерватории.

1. Г. Д. Гребенщиков — В. В. Завадскому

7 апреля 1943

Дорогой Василий Васильевич,

Только что прочел твою вдохновенную статью о Рахманинове¹. Конечно, она для немногих понимающих. Зензиновы² найдут в ней что-либо, что их эсеровской партии или эсдековской³ понять не положено. Но для меня в этой статье встает не менее, если не более глубокий облик музыкального гения автора статьи. Даже кажется, то многое, что Рахманинову не принадлежит, ты в нем открываешь, так как это звучит в тебе самом. Воистину критик или обозреватель больших творений должен сам быть велик. Ты в этой статье сразу занимаешь подобающее тебе место большого мыслителя, великого композитора и проникновенного музыканта. Нас это снова и глубоко тронуло, и порадовало. Обнимаю тебя от всей души. Жду, когда твое собственное великое сердце разольется по всему миру, как оно отразилось в твоих непревзойденных музыкальных симфониях. Вот именно — всё вмещающее сердце и океанический дух вечности.

Не так давно был у нас здесь Игорь Иванович Сикорский⁴ и в наших частных беседах прочел нам по рукописи свою книгу⁵, охватывающую мир в его состоянии, начиная от искушения в пустыне и до наших дней. Глубина и охват, и пророчество, равное

твоим произведениям. Наш колледж⁶ за его заслуги перед современным человечеством наградил Игоря Ивановича Сикорского докторской степенью⁷. Мне посчастливилось представлять его к этой награде, составлять и произносить речь. Прожил он у нас четыре дня. Успех его во всех его выступлениях был успехом нашего кампуса. Мы все горды, что он нашел время специально к нам приехать. Большой человек и совершенный джентльмен. Между прочим, я написал кратко о его награждении в «Новое русское слово», но господин Вейнбаум⁸ не удостоил внимания и, видимо, не думает напечатать. Может быть, ты позвонишь ему и спросишь почему? Мне кажется, это достойно внимания публики.

Мы всё еще занимаем свои должности, хотя около 30 более необходимых, настоящих профессоров сокращены. Не знаем, продолжимся ли следующий год, но этот год у меня еще есть студенты, а работа Татьяны⁹ просто никем не заменима. Кое-что пишу, больше читаю, учусь, собираю в сердце своем шипы и тернии мира сего. На суд твой посылаю стихи по-английски¹⁰, то, что, между прочими упражнениями, прохожу в своем классе «писательского мастерства». Буду благодарен, если укажешь на грубейшие недочеты.

Поедем ли в Чураевку¹¹ — еще не знаем. Едва ли. И дорого, и сложно. Здесь мы нынче живем в «Юниверсити Клуб»¹², в полутора милях от колледжа, во дворце, совсем одни, на берегу озера. Все готово, но жалование нам убавлено, как и всем, в виду всё растущего сокращения студентов. Но мы не жалуемся, да и грешно было бы роптать, когда мир истекает кровью в агонии своего самоубийства.

Читал ли в «Новом журнале»¹³ мой очерк «В просторах Америки»¹⁴? Согласен ли ты с критикой Зензинова¹⁵? Если не читал, ради Бога, прочти.

Шлем всем вам наш сердечный привет и лучшие мысли.

*Твой искренне,
Георгий Гребенищikov*

P. S. Стихи не успел переписать. Пошлю после.

Публикуется по: Архив Дома русского зарубежья (Москва), Фонд В.В. Завадского (ДРЗ: ВВЗ). Машинопись, автограф. 1 л. Подпись автора. — На бланке «Florida Southern College. Lakeland, Florida».

1. Статья В.В. Завадского под названием «Сердце России» была написана на смерть русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943) и опубликована в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк) 4 апреля 1943 г.

2. Г.Д. Гребенчиков (ГДГ) использует собирательное имя зензиновы, имея в виду Зензинова Владимира Михайловича (1880–1953), русского революционера и литературного критика, обосновавшегося в США.

3. Эсеры — Партия социалистов-революционеров, самая крупная крестьянская партия народнического толка в России, возникла в 1901. Поддерживала свержение царя и передел земли в пользу крестьян. Эсдеки — Российская социал-демократическая рабочая партия, основанная в России в 1898; марксистская партия, поставившая своей целью свержение самодержавия и установление демократической республики.

4. Речь идет об И.И. Сикорском, который посетил супругов Гребенчиковых во Флориде. Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) — русский и американский авиаконструктор, религиозный мыслитель. Изобретатель вертолета, создатель крупнейших в мире самолетов-гигантов «Русский витязь», «Илья Муромец», др. В эмиграции — с 1918, приехал в США весной 1919. Создатель авиастроительной компании «Sikorsky Aero Corporation» (1923). Автор богословских трудов. Меценат, оказывал помощь эмигрантскому сообществу в Америке. Один из ближайших друзей ГДГ.

5. Будучи в Лейкленде, И.И. Сикорский читал главу из своей неопубликованной книги «The Mysterious Encounter» («Таинственная встреча»). Рукопись XV-й главы книги хранится в фонде ГДГ Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул).

6. ГДГ имеет в виду Южный колледж Флориды (город Лейкленд), где он преподавал русскую историю, язык и литературу, а также вел для студентов класс «изящной словесности».

7. И.И. Сикорскому была присвоена степень почетного доктора (Doctor of Laws) Южного колледжа Флориды. Церемония вручения диплома состоялась 19 марта 1943 на заседании профессорской коллегии колледжа в присутствии губернатора Флориды Спессарда Холланда и его кабинета. После вручения диплома Сикорский прочел лекцию о создании вертолета. Отбыл из Лейкленда 21 марта.

8. Вейнбаум Марк Ефимович (1890–1973) — юрист по образованию, журналист, главный редактор старейшей русскоязычной газеты в Нью-Йорке «Новое

русское слово» (1922–1973). Эмигрировал из Российской империи в Соединенные Штаты Америки в 1913. Председатель Литературного фонда США.

9. Гребенщикова Татьяна Денисовна (урожд. Стадник) (25 дек. 1892 ст. ст./6 янв. н. ст. 1893–1964) — вторая жена писателя ГДГ (1917). Родилась в Тифлисе в семье военного. Во время Первой мировой войны состояла на службе в Управлении уполномоченного Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам при XI армии в качестве помощницы делопроизводителя и машинистки (1917–1918). В 1920-м эмигрировала в Константинополь вместе с мужем, в 1921 — Париж, в 1924 — Нью-Йорк. Сотрудничала с Музеем Николая Рериха в Нью-Йорке. Помогала мужу вести дела книгоиздательства «Алатас». В 1940-х и 1950-х преподавала в Южном колледже Флориды основы типографского дела и возглавляла типографию «Dixie Press».

10. ГДГ имеет в виду свои стихи на английском языке «The Blood of Glory» («Кровь Славы»), посвященные России и кровавой жертве русского народа на полях сражения во Второй мировой войне за будущее человечество.

11. Чураевка (амер. Southbury) — поселение русских эмигрантов, основанное Ильёй Толстым, сыном писателя Льва Толстого, и ГДГ в 75 милях от Нью-Йорка в середине 1920-х. Деревня названа так певицей Надеждой Плевицкой после прочтения ею романа ГДГ «Чураевы». Усилиями ГДГ в Чураевке была развернута культурная работа, открыто книгоиздательство «Алатас», построена детская студия «Теремок», возведена часовня в честь преподобного Сергия Радонежского, где по праздникам до сих пор проходят православные службы. В настоящее время деревня населена американцами. Дом ГДГ и типография сохранились.

12. По приезде в Лейкленд Гребенщиконы первые годы периодически проживали в здании «University Club». Позже построили собственный дом.

13. Новый журнал — ежеквартальный литературно-публицистический журнал, выходящий в русском зарубежье с 1942, основан в Нью-Йорке известным писателем М. А. Алдановым и поэтом, беллетристом М. О. Цетлиным.

14. Очерк ГДГ «В просторах Америки: Из путевых заметок» был опубликован в «Новом журнале» (1943, № 4; с. 42–59).

15. Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) — российский политический деятель, журналист, писатель, этнограф и орнитолог. Член партии социалистов-революционеров. В эмиграции находился в Европе (1919–1939), затем — в США (1940–1953). Корреспондент и издатель ряда журналов русского зарубежья. Сотрудничал в качестве критика с нью-йоркскими изданиями — газетой «Новое русское слово», где была помещена статья Завадского о Рахманинове, и «Новым журналом», публиковавшим произведения Гребенщикова.

2. Г. Д. Гребенщиков — В. В. Завадскому

20 дек<абря> <19>43

Дорогой Василий Васильевич,

Кроме обычных рождественских карточек и дружеской памяти, хочется еще написать несколько слов от сердца. Во-первых — послали вам небольшой ящичек фруктов, прямо с дерева: рабочих в садах нет, поэтому продают прямо с дерева. И дешевле, и покупателям случай сорвать апельсин прямо с дерева. Напиши, в порядке ли дойдет, так как теперь никто ни за что не отвечает. Далее, прилагаю летучку из Майами, куда мы приглашены на лекцию на Рождество¹. Пишут, что ожидают публики не менее 1500 человек. Посмотрим, и с удовольствием прокатимся 300 миль, для чего получили специальное разрешение на газолин.

Гребенщиков и Завадский в Чураевке. Конец 1940-х

Далее, мне хотелось еще раз выразить мою благодарность тебе за твое чудесное предыдущее письмо: только ты так можешь чувствовать, ценить и написать². Дал тебе Господь великое духовное вместилище в душе, и в сердце, и в разуме. По поводу критики Зензинова я был возмущен не потому, что мой очерк ему не понравился, — на вкус и цвет товарищей нет, а потому, что он извратил и нашел то, чего там вовсе не было: будто бы я изобретаю «мыслефон». Но я ограничился письмом редактору журнала Цетлину³, он передал письмо Зензинову, а тот написал мне змеиное извинение, мол, в «Новом русском слове» переврали его мысли... Я не ответил.

Также я рад, что ты угадал в рассказах Бунина⁴ его грязную душонку. Мастер слова и лауреат Нобеля не имел права грязнить русскую женщину только потому, что она была всюду унижена и растоптана теми же Буниными — барами и господами. В одном из рассказов описывается прямое насилие девушки, которая просто не смела протестовать против барской прихоти. И вообще эта развязность половых наклонностей, да еще на старости лет, заставляет краснеть всякого читателя, особенно теперь, когда простая женщина в России поднялась на высоту массового героизма, стала и матерью крестьян-полководцев, и женой врачей, и сама — инженер, и капитан, и боец, и летчик, и благородная жена.

Читая Бунина, невольно приходится потирать руки от удовольствия, что униженная женщина-прислуга, которой тогда, после растления, ничего не оставалось делать, как идти в публичный дом, теперь она будет с презрением отталкивать творения Нобелевского лауреата потому, что и он приложил свою руку к былому унижению и растлению. Вот с каким чувством я читал его рассказы и, признаться, удивлялся, что им нашлось место в «Новом журнале». Грешно, конечно, так писать против старшего собрата, но чем больше я смотрю на превращения в России, чем больше встречаю советских людей, тем больше убеждаюсь в том, что мы в эмиграции во многом были несправедливы к ним, а если справедливы, то они сторицей давно всё оплатили, и какой ценой! Изучать нужно Россию неустанно, добросовестно, бесстрашно, забывая мелочи и личное, а помня общее и главное.

Обнимаю тебя. Таня целует Марию Александровну⁵ и Ниночкуб. Я целую их ручки.

Твой Георгий

Обратил ты внимание на мои стихи «Blood of Glory»?
Не звучат ли они на музыкальную сюиту?

Публикуется по: Архив ДРЗ: ВВЗ. Машинопись, автограф. 1 л. Подпись автора. — На бланке «Florida Southern College. Lakeland, Florida».

1. Чтение лекций для ГДГ рядовое событие. О каком именно выступлении идет речь, неизвестно. За лекторскую карьеру в США им прочитано более полутора тысяч лекций, не считая преподавания в колледже.

2. В. В. Завадский сообщает ГДГ о своем разговоре с главным редактором газеты «Новое русское слово» М. Е. Вейнбаумом, которому он высказал «удивление и недоумение за пропуск совершенно неуместного отзыва Зензинова» (15.06.1943).

3. Цетлин Михаил Осипович (1882–1945) — русский поэт, беллетрист, меценат; первый редактор «Нового журнала» (вместе с М. А. Алдановым).

4. Бурная эмоциональная реакция ГДГ связана с публикацией в «Новом журнале» рассказов Ивана Бунина из его неизданной книги «Тёмные аллеи». К моменту написания письма Василию Завадскому уже были опубликованы рассказы «Руся» и «В Париже» (НЖ, 1942, № 1), «Натали» (НЖ, 1942, № 2), «Генрих» (НЖ, 1942, № 3), «Таня» (1943, № 4). Также вышел рассказ «Зойка и Валерия» в литературном сборнике «Ковчег» (Нью-Йорк, 1942). Книгу «Тёмные аллеи» не удалось издать в США из-за пуританских настроений, царивших в американском обществе. Она вышла лишь спустя несколько лет в Париже (1946).

5. Завадская Мария Александровна (Сыропятова) (1884–1974), пианистка, музыкальный педагог. Жена композитора В. В. Завадского. Вместе с супругом в 1933 основала в Нью-Йорке Академию изящных искусств (Academy of Allied Arts), где по образцу Института объединенных искусств при нью-йоркском музее Рериха были открыты классы музыки, балета, драмы, живописи и скульптуры. К концу 1930-х музыкальный класс насчитывал свыше 50 учеников.

6. Завадская-Грозавич Нина Александровна (Сыропятова) (1906–1984) — пианистка, музыкальный педагог. Младшая сестра пианистки М. А. Завадской. Преподавала в Академии изящных искусств (Нью-Йорк) вместе с супругами Завадскими.

З. Г. Д. Гребенщиков — В. В. Завадскому

4 янв<аря> <19>44

Дорогой Василий Васильевич,

Вернувшись позавчера из Майами (около 300 миль) и получивши сегодня огромную почту, мы не сразу всё распечатали, и когда увидели твою новую работу, посвященную моему скромному стишку, мы были буквально потрясены радостью, и я не сумею выразить мою благодарность тебе и Богу, который тебя так дивно озарил. Послезавтра у нас открываются классы, и глава нашей консерватории, большой певец и музыкант, продемонстрирует для нас твою вещь. Я знаю, как это должно быть прекрасно, ибо иначе ты не стал бы даже прикасаться к нотной бумаге. Видимо, это пойдет широко, как одно из вдохновенных и связующих звеньев между двумя великими народами, Россией и Америкой. Я просто не знаю, что тебе написать, так я потрясен твоим вниманием и оказанной мне честью, а главное — тем, что ты почувал великое в малом.

Сегодня, еще до получения твоей вещи, мы послали тебе на суд «Новую зарю» с главой из эпопеи под заглавием «Мирный прорыв»¹. Прочти внимательно и напиши, что ты об этом думаешь. В 6-м выпуске «Нового журнала» только что появился мой рассказ (тоже глава из эпопеи) «Страшнее смерти»². Я уже получил ряд самых лестных писем от читателей, но твое мнение для меня дороже всего. Я никогда не забуду твоих тонких и метких тезисов о моих лекциях для брошюры³, которую теперь все время цитируют в разных циркулярах обо мне и в бесчисленных американских газетах, когда мне приходится выступать с лекциями и прочее. Твои мысли и слова все время живут рядом со мной. Духовное общение с тобой — одно из моих самых нерушимых сокровищ. Спасибо тебе, мой милый друг и брат!

Сердечный привет Марии Александровне, Ниночке и Мюзикку⁴ от нас обоих,

Твой Георгий Гребенщиков

На всякий случай я прилагаю второй экземпляр текста, так как первый, вероятно, использован. Это, между прочим, работа нашей печатной художницы Татьяны⁵. Всё, начиная с рисунка и кончая выполнением в четыре краски.

Публикуется по: Архив ДРЗ: ВВЗ. Машинопись, автограф. 1 л. Подпись автора. — На бланке «University Club. 599 — Hollingsworth Drive. Lakeland, Florida».

1. Глава из эпопеи ГДГ «Чураевы» под названием «Мирный прорыв» опубликована в газете «Новая заря» (Сан-Франциско); точные сведения о дате выхода газеты отсутствуют.

2. Рассказ ГДГ «Страшнее смерти» вышел в «Новом журнале» (1943, №6; с. 122–132).

3. Возможно, речь идет об одном из проспектов на англ. яз. «George Grebenstchikoff. Author — Traveler — Lecturer». На обложке: скульптурный портрет Георгия Гребенщикова работы Сергея Конёнкова.

4. Мюзик — имя собаки Завадских.

5. См. прим. 9 к письму 1.

4. Г. Д. Гребенщиков — М. А. Завадской

7 января 1944

Дорогая Мария Александровна,

Только что получили Ваше коротенькое письмо и отвечаем немедленно. Это письмо чисто деловое, и пишу я его Вам, так как Василий Васильевич, как и я, грешным делом, идеалист и готов на всё, кроме материальных забот. Но иногда надо быть практичными и хватать за хвост открывающуюся возможность. «Кровь Славы» — может и должна нам принести хороший заработок и по коммерческой стороне может быть более популярной, как и хороший, прочный мост для кооперации и взаимоотношений между Россией и Америкой. Не на Россию прежде всего надо нажимать, а на Америку. Короче говоря — надо эту вещь издать в большом, ходовом

музыкальном издательстве, взять копирайт и пустить по радио, в концерты русских программ, в просветительные учреждения, словом, автоматически по Америке туда, куда опытный и жадный на деньги издатель сам ее будет толкать. Для России она сейчас еще не годится, потому что слова ее английские, и я еще должен подогнать русский перевод под музыку. Дин¹ нашего музыкального отдела <Колледжа> в восторге от вещи настолько, что хочет уже попробовать исполнить ее *хором*, и мы намерены первое исполнение ее поставить в программу традиционного ежегодного Русского вечера, нынче назначенного на 11 февраля с участием всех моих студентов по четырем классам. Это, конечно, немного, но для пробы — хорошая возможность чисто местного характера.

Для продвижения же вещи по линии деловой мне нужно следующее:

1) Вас<илий> Вас<ильевич> и Вы должны мне указать лучшее музыкальное издательство в Нью-Йорке, а если нет, то мы его будем искать сами.

2) Мне нужно официальное нотариально заверенное полномочие композитора и право издания вещи и заключения контракта. Мне нужно также деловое письмо по-русски на право передачи этой вещи через Посланника СССР в Россию. У меня налаживается связь с Громыкой². Во всяком случае, я в переписке с его секретарем.

Поэма также послана самому президенту Рузвельту³ и отдельно мадам Рузвельт⁴ с моим письмом. Неважно, что они пока не ответили. Важно, что она там как-то зацепится. Момент был как раз после президентского свидания со Сталиным⁵, и всё русское там не могло не обратить на себя внимания. Вы, в свою очередь, действуйте через консула. Эта вещь в Россию может пройти легче, нежели большие композиции Вас<илия> Вас<ильевича>, которые, конечно, там пройдут со славой, в чем я не имею ни малейшего сомнения. Но малая вещь будет первой ласточкой и для моих крупных вещей, одна из коих будет мое «Письмо из-за морей»⁶, которое принимает форму настоящего большого послания и будет первым прочным мостом между культурной эмиграцией и Россией.

Мы не должны забывать, что ломать лед между двумя мирами — задача не такая легкая. И я его ломаю упорно и без подхалимства. Мой «Мирный прорыв»⁷ — одна из первых серьезных попыток. Я его Вам послал и надеюсь, Вы его прочли. Обдумайте всё и просите Вас<илия> Вас<ильевича> написать мне его пожелания и суждения по сему поводу, а сами действуйте по деловой линии осторожно и без компромиссов, без уступок своих прав кому-либо другому...

<Георгий Гребенщиков>

Публикуется по: Архив Центра по изучению истории эмиграции при университете штата Миннесота (Миннеаполис, США). Фонд Георгия Гребенщикова: Box 35, Folder 13. Машинописная копия. Л. 1–1 об. В приложении — стихотворение ГДГ на англ. языке «The Blood of Glory» («Кровь Славы»).

1. Калька с англ. яз. dean — декан.

2. Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) — советский партийный и государственный деятель, дипломат. На момент написания письма А.А. Громыко состоял послом СССР в США (1943–1946).

3. Рузвельт Франклин Делано (1882–1945) — 32-й американский президент, возглавлял США во время великой депрессии и Второй мировой войны.

4. Рузвельт Анна Элеонора (1884–1962) — супруга президента США (1905). Элеонора Рузвельт сыграла значительную роль в политической карьере мужа.

5. Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили) (1878–1953) — революционер, советский политический, государственный и военный деятель. Фактический руководитель СССР, генеральный секретарь ЦК КПСС (1922–1953).

6. Литературное произведение ГДГ «Письмо из-за морей» (1942) написано в стихотворной форме. Посвящено его родному любимому брату Ивану Гребенщикову.

7. См. прим. 1 к письму 3 от 04.01.1944.

5 дек<абр> <19>46

Дорогой мой Василий Васильевич,

Пришлось бы слишком много писать о всех препонах и сложностях по устройству приличного концерта, поэтому ограничусь только результатами, которых добиваюсь из упрямого желания что-то для тебя сделать и не отступить. Пока что налаживается только один концерт, в самом большом, после Майами, городе Флориды, Джексонвилле. Менеджером твоим будет флоридский агент Юрока¹, Сергей Александрович Боровский², сам большой музыкант и преподаватель пения в Джекс<онвилле>. Концерт устраивается в одном из лучших, но не очень грандиозных залов (большой снимать просто рискованно) под осписес³ местного музыкального клуба. Время — в 8 часов 17 февраля, в понедельник. Условия: тебе — 60% после покрытия расходов, и Боровскому — 40%. Себе я ничего не беру и никаких гарантий не даю, и никто сейчас гарантий дать не может. Все рискуют, придется и тебе положиться на интересы устроителей, которым невыгодно устраивать на авось.

Немедленно посылай Боровскому как можно больше всяких материалов для рекламы, он этого ждет, чтобы начать кампанию. Адрес его прилагаю. Между нами говоря: это великий певец, известный во всей Европе, устраивавший там концерты и бывший в Нью-Йорке «великим» дирижером (мне и тебе неизвестного хора), но очень популярен в Джексонвилле и даже учил пению нашу бывшую губернаторшу, ныне жену сенатора Холланда⁴; она сама мне его хвалила как учителя. Но, пожалуйста, не просыпьясь: это «великий» певец, помимо учительства. Спишись с ним лучше всего сдержанно и пиши разборчиво, даже лучше по-английски, на машинке. Он пока единственный, кто может устроить серьезное твое выступление. Главное, спроси его, что ему нужно, кроме твоих циркуляров, которых ты должен послать ему как можно больше. Там, по-моему, для печати есть всё.

Концерт в Майами потребовал бы моей жизни в Майами не меньше месяца и не меньше 500 долларов на мою там жизнь.

И все-таки нынче там провал в делах: ожидали к сезону больше миллиона туристов, понастроили новых гостиниц, и вдруг публика туда не едет, а рассасывается по мелким городам. Значит, большим спекулянтам сейчас без крови от войны нечем крыть миллионы, и Майами может обанкротиться так же торжественно, как она разбухла в течение четверти столетия.

Здесь концерт я уже почти совсем наладил, но не хотел подавать тебя вторым классом, но только первым. А вот на пути ряд концертов Сивик Мюзик Сосайети⁵, и вместо трех больших будет *пять*, и два из них пиано, один даже на двух пиано, как раз в намеченные нами дни для твоего концерта. Все же я не снимаю тебя с очереди и буду еще работать, тем более надо все теперь подгонять под «около 17 февраля» и учитывать последствия страшных забастовок.

Привет всем трем и Мюзикку⁶.

Обнимаю всех,

Твой Георгий Гребеницков

P.S. Боровского я ухватил за жабры тем, что без меня ему было бы трудно устроить концерт Донского хора⁷, для которого я достал описисес и поддержку колледжа. Конечно, всю черную работу должны провести мы с Татьяной, за это я получил его согласие устроить твой концерт. Непусти эту возможность.

Публикуется по: Архив ДРЗ: ВВЗ. Машинопись, автограф. 1 л. Подпись автора. — На бланке «Florida Southern College. Lakeland, Florida».

1. Юрок Сол (Гурков Соломон Израилевич, 1888–1974) — американский музыкальный и театральный продюсер.

2. Боровский Сергей Александрович — согласно письму ГДГ, русский эмигрант, певец и музыкант, который обосновался во Флориде, организовал и возглавил хор в Джексонвилле, втором по величине городе после Майами. Подробные сведения о нем отсутствуют. Известно, что в Нью-Йорке как раз в 1940-е годы вел широкую деятельность пианист и музыкальный педагог Александр Кириллович Боровский (1889–1968). Возможно, речь идет о его сыне.

3. Калька с англ. *auspices* — под эгидой.

4. Холланд Спессард Линдси (1892–1971) — американский адвокат и политик. Губернатор Флориды (1941–1945), сенатор от штата Флорида в Конгрессе США (1946–1971), демократ. Поддерживал ГДГ в его деятельности по укреплению дружбы между народами США и СССР, в этой связи выступил в Конгрессе с рядом инициатив. Состоял в браке с Мэри Агнес Грувер (1919).

5. Калька с англ. Civic Music Society — Гражданское музыкальное общество. ГДГ имел в виду, вероятно, организацию «Гражданская музыкальная ассоциация» (Civic Music Association), которая устраивала концерты на всей территории США.

6. ГДГ имеет в виду семью Завадских — Василия Васильевича, Марию Александровну, Нину Александровну и собаку Мюзика.

7. «Хор донских казаков Сергея Жарова» — камерный хор, основан в 1921 Сергеем Алексеевичем Жаровым (1896–1985) из состава воинов казачьего корпуса, эвакуированного в Константинополь из Крыма при отступлении Добровольческой армии во время Гражданской войны в России. Базировался в США. Официальное название получил после смерти руководителя.

6. Г. Д. Гребенщиков — М. А. и Н. А. Завадским

11 мая 1954

Дорогие, милые Мария Александровна и Ниночка!

Раскрыли сейчас «Новое русское слово» и содрогнулись.¹ Глазам не поверили. Оба захлебнулись слезами, не могли сказать друг другу ни слова.

Какой это ужас и удар в самое сердце, в котором столько лет теплилась любовь, часто невыразимая, часто молчаливая, но неизменная... И невозможно поверить, что сейчас, в эти часы, от 10–30 до 11 идет о нем панихида.

Всё, что могли сделать, — послали телеграфное объявление в «Новое русское слово», выражая вам наше соболезнование, но что оно значит, когда ничем нельзя поправить великого несчастья?!

Дорогие, мужайтесь! На вас лежит великая задача продолжить и прославить его прекрасные произведения! Мы понимаем, как все непоправимо и как пусто в доме, как жутко замолчит его рояль!.. Но, милые, мужайтесь, молитесь и верьте, что Господь

примет его великий дух в свои лучшие чертоги, откуда в звуках его композиций он будет услаждать нас, живущих и отягченных суетами этого грешного мира.

Мы оба всем сердцем с вами и молимся о вас, и скорбим, и плачем вместе с вами, родные, давние, незабвенные друзья.

Ваши потрясенные этой страшной потерей

Георгий и Татьяна Гребенщиковы

Публикуется по: Архив ДРЗ: ВВЗ. Автограф. Л. 1-1об. Подпись автора. — На бланке «Dixie Press. 213 E. McDonald Street. Lakeland, Florida».

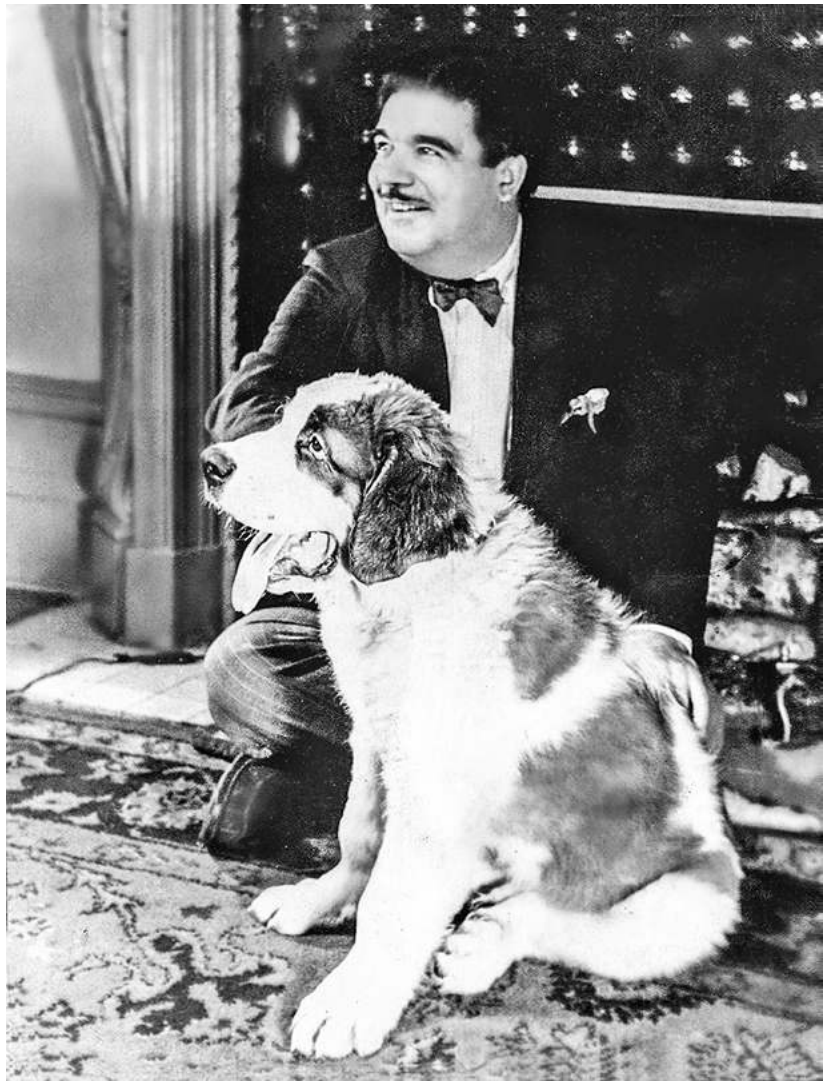
1. Редакция газеты «Новое русское слово» в номере от 11 мая 1954 опубликовала извещение о кончине композитора В.В. Завадского, последовавшей 8 мая. Похороны состоялись на кладбище Кенсико на Лонг-Айленде под Нью-Йорком.

7. Г. Д. Гребенщиков — М. А. и Н. А. Завадским

3 июня <19>54

Дорогие, родные Мария Александровна и Нина,

Господь с вами: как можно в эти дни испытания думать о добровольном уходе из жизни, когда душа Василия и так полна страданий за вас, оставшихся исполнить его поручение. Этими мыслями вы жутко отягчаете его сорокадневные блуждания по темной земной атмосфере. Надо быть абсолютно неверующими ни во что, чтобы допускать столь нехристианские мысли отчаяния! Прошу вас как друг и брат: повторите немедленно три раза, а если не успокоитесь, то и двенадцать раз, с *верой*, простую Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!» Повторите с верой и почувствуйте *присутствие* воскресшего Господа, который принес Себя в жертву за наши грехи и искупил распятием на кресте наши земные душевные и телесные муки.

Василий Завадский и пес Мюзик. Начало 1950-х

Надо просто верить, без мудрствования лукавых измыслителей, ни во что не верующих, надо верить, что душа такого исключительного человека, как Василий, не может умереть и не оставить следа его прекрасного творчества. Вот именно ваше обещание исполнить его завет уже является вашей лучшей привязанностью к жизни и в то же время вашим утешением. Прошу и умоляю вас, прежде всего, положиться на Волю Божию. Вдумайтесь в каждое слово молитвы Господней «Отче наш, иже еси на небеси...» С верой вдумайтесь в слова, которые спасали миллионы верующих от отчаяния: «Да будет Воля Твоя!» Воля Его знаменует решительно *всё* и подчиняет наше безволие *Его непреложному закону*. Без этой веры мы все потеряны и ни на что не способны. Но вам обоим теперь, как никогда, надо быть *способными* совершить великое дело. Вам обоим послано испытание найти в себе силы именно теперь, когда вы одиноки и когда вам нужны удесятеренные силы преодолеть скорбь и посвятить себя задаче восстановить каждый звук его гармонии, которая и есть живая сущность души и сердца почившего. Облегчите его загробные печали о вас и помогите ему уйти в высшие сферы с легкостью бесплотного устремления к Творцу миров.

Поймите это мое письмо не как простое утешение, но как единственный способ облегчить ваши скорби, которые только затрудняют и ваши действия, и его гений, который должен не только спасти вас, но и многих живущих своими духовными зовами к Источнику вечного Света и радости. Это тем более важно, что Василий Васильевич был и есть исключительный борец за правду в искусстве, за ее духовные начала в этом страшном обездуховленном и опошленном мире.

Мы оба, конечно, с радостью примем посильное участие в осуществлении вами трудной задачи издания и воплощения в жизнь композиций нашего пророка-композитора, но вам нужно, прежде всего, успокоиться душевно, чтобы начать это дело с достойной выдержкой, терпением и готовностью победить многие трудности.

Первое, что надо сделать, это составить полный список всех почитателей и учеников Василия Васильевича. Второе: разучить самим, обоим, наиболее яркие места из его композиций, чтобы

составить программу, разнообразную по содержанию, но цельную по духу. Летом, когда мы там¹ будем, надо устроить собрание для составления специального Комитета, и осенью, когда мы вернемся сюда, мы эту программу и все билеты, и пригласительные карточки напечатаем совершенно бесплатно. И дать первый концерт.

Это, конечно, мои первые мысли, а вам уже лучше знать, как эти мысли развить и улучшить. Этого пока довольно, чтобы этой работой немного утолить ваше великое горе и использовать его как движущую силу к вашему тяжкому подвигу. И вы сразу почувствуете, как душа Василия Васильевича с *благодарностью* улыбнется вам из мира, в котором не должно быть ни печали, ни вздыхания, но жизнь бесконечная.

Родные и милые, вы уже чувствуете, что сердце мое изболело и сам я ищу утешения в этих своих мыслях, но все мы должны быть благодарны Господу за то, что Он наделил нас возможностью культурно мыслить. Поможет Он нам и духовно действовать, чтобы слова наши не остались пустым звуком, но вырастали бы в содержательное и полезное действие.

Итак, благословит Господь каждый час вашей новой, одинокой, но полной содержания и *смысла* жизни и труда. Вы сами, обе, такие чудные художницы искусства, вам грешно об этом забывать. Ваши опыт и мастерство теперь, как никогда, должны вас увлекать и утешать и привести к самой высшей мудрости: превратить страдания ваши в духовное сокровище и для почившего, и для вас самих, и, главное, для просветления темных сторон нашего современного, темного, но ищущего Света человечества. Ведь для этого несчастного человечества Василий Васильевич так много испытал, так бесконечно много провел времени за роялем и за листами его одинокого, как моление о Чаше, почти с кровавым потом, труда! Поймите это, взвесьте всю тяжесть его и вашей борьбы за право быть настоящими творцами радости, а не печали.

Когда вы будете читать это письмо, не забудьте, что пишет вам старик, сам стоящий на краю могилы, значит не пустые пишет он слова, но как результат собственных тяжелых дум и опыта, который проявлен почти полувековым трудом, более тяжким,

нежели любой труд всех музыкантов и композиторов вместе взятых. Но вера в Бога помогла мне остаться на своем посту и не приходить в отчаяние при постоянной встрече с разнородными моральными и материальными потерями. И если мой опыт хоть немножко поможет морально в облегчении вашего страдания, это будет и для меня великим утешением.

С неизменной любовью от нас обоих и постоянной молитвой о вас обеих и об упокоении души раба Божия Василия (молюсь о нем каждый вечер неизменно),

Ваши Георгий и Татьяна Гребенчиковы

P.S. Это письмо только для вас двоих, никому не надо о нем говорить. Не поймут, но осложнят непониманием.

Публикуется по: Архив ДРЗ: ВВЗ. Машинопись. Л. 1–1 об. Подпись автора. — На бланке «George D. Grebenstchikoff. 632 Easton Drive. Lakeland, Florida».

1. Имеется в виду русская деревня Чураевка, где у Гребенчиковых был собственный дом.

*Предисловие, примечания и публикация
Владимира Росова*